

Сергей Золотарев

ПО СЛЕДАМ ЛЮБОВНОЙ ПЕСНИ ДЖ. АЛЬФРЕДА ПРУФРОКА

Дома все — на прежнем месте:
задолжал жених невесте.

Это Барби, это Кен.
Это сердца сюрикэн
в Старой Англии в Лондоне
ловят ангелы в ладони.

Я из дома грусть несу
сразу в лесополосу.

А в лесу-то, а в лесу-то
не заведует Лексутов:
все движение в лесу
происходит на весу.

Небо сделалось мозгами
и наложено мазками,
точно снега перегной
сверх коробки черепной.

Одураченный лисою,
я иду тропой лесною.
Остывают ядра звезд:
мерзни, мерзни, волчий хвост!

Это балка — это вышка.
Это маленький умишко,
изолгавшись на корню
гонит всякую херню.

А луна-то, а луна-то
с расторопностью солдата
подшивает родничок,
точно подворотничок.

Сила воздуха — земная
потому, как прижимная:
никуда я не пошел,
нас и тут неплохо кормят,
нам и дома хорошо!

г. Жуковский

Александр Муратов

СНЫ О ПРОШЛОМ

Мне снится прошлое — оно
Осадком покрывает дно
Башки, заполненной не столько
Подобьем грецкого ядра,
Поскольку в черепе дыра
Ведет к утечке мозга, — сколько
Фантазией на тему мысли
И пухом похоти — в том смысле,
Что под периной стонет койка.

Что значит прошлое, когда
За отрицаньем слышишь «да»,
И лоб склоняется к распаду?
Что значат сны, когда не спишь
И если все-таки скорбишь,
То лишь о том, что вырос вправду?
И вряд ли пыль на крыльях феи
Поможет мыслимой затее
Преобразить плоды в рассаду.

ДИПТИХ

I. Иокаста

На стене дворца тень колышется —
 Стиснут рамами солнца спелый плод;
 Гусеница на нити движется
 К подоконнику, где Терей-удод,
 Клюв разинув, ждет угощения,
 Как обещанных гекатомб Кронид;
 Зарево внутри помещения
 Полыхает, словно огонь ланит
 Воздыхателей и возлюбленных, —
 Ложе царское обагрил закат;
 Будто парод страстей Гекубиных —
 Острие застежки и хор цикад.

II. Гекуба

Всплеском гладь морская взволнована —
 На исходе суток скалы скорбей;
 Крачкой стая рыб облюбована,
 Как Эриниями — Орест-злодей,
 Будто роком — семя Приамово;
 Ржавый локон запада стал седым —
 Разгорается пламя заново,
 Поднимается над утесом дым,
 И слабеет собаки дикой вой;
 Ветхий пеплос среди прибрежных вод —
 Бед родительницы Эдиповой
 И терзаний, поправших тлен, — эксод.

г. Москва

О л г а В и р я з о в а

•

Видишь, льется вода дней, снег
наступает на пятки, обрывается с потолка,
окружает среда «ничего нет»,
отражаясь в элфи, загружаясь в рукав.
И стоишь, как последняя истина, — все внутри,
истекает дерево пустотою рук,
стая клонов силится расклевать этот мир,
но к утру его заново соберут,
нарастят от лева до права, обошьют...
Меховая игрушка холода, человеческий аэростат,
безразмерный воздушный шарик, как тебя зовут?
Но китайским пухом застит взгляд,
закладывает слух.
Все внутри... истекает — не истечет
дерево, по ветвям переходит в лес...
Что в тебя поместится еще?
Не может быть, что это ты весь.

г. Москва

Р о м а н М а к л о к

•

до 27 я думал какая потеря
не будет у меня красивых ботиночек
удивительных приключений не будет
да много чего не будет разве все упомнишь

теперь думаю ах какая потеря
ну не будет у меня того и этого

ну не стану я культурной ценностью
ну не увижу мест исторических

зато сердце мое воробьиное — стучит мне ласково
стих мой невелик, но я пишу его бережно
песня моя хоть и тихая, но я пою ее дурным голосом
чего ж еще хотеть

г. Харьков

А н д р е й Р е з ц о в

•

Я числился вождем карасей
Тех, которые спят в тине.
Мой портрет у них повисел
В красном уголке, а ныне

Другой карасями рулит.
Роста моего, но худее.
Я думал — Я! А он говорит,
Что русским не владеет.

Отдает приказы карасям
Неаполитанской песней
Про сурка, что там и сям,
Так карасям интересней.

Я поднял было мятеж,
Тину поднял, не вижу
Рыб, что с края и меж,
И что ими движет.

Да, пусть плывут они В
Или НА. Куда им ближе.
Я внушал карасям позитив,
Как Нотр-Дам в Париже.

Они же выбрали огольца
Итальянского толка.
Он не мужик, а пацан,
Худее меня только.

г. Сидней

А н д р е й Т о р о н о в

•

Бак Кэнтрелл убит на дуэли,
В роли Рамоны Йоланда Мерида,
Ничего плохого мы не хотели,
Это — фиеста, а не коррида,

Улицы было б совсем немножко,
Эрроллом Флинном лечить болячки,
Но минотавру нужна кормежка,
А матадору нужна горячка.

И потому дилижанс уходит,
Скачут апачи, рожает в поле,
За Кэри Гранта Кэтрин выходит,
Гезы мечтают о светлой доле.

Кто не мечтает, тот бьет баклуши
Без ощущений и нервотрепок,
Надо родителей было слушать,
Было бы меньше теперь упреков.

А мы несемся на дилижансе
Собственной шкурой понять ошибки,
Здесь верховодит одно жеманство,
И не нужны золотые рыбки.

г. Екатеринбург